

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Людмила
ФЕРРИС

**СЛИШКОМ
БОЛЬШОЙ
СОБЛАЗН**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф43

Оформление серии А. Старикова

Феррис, Людмила.

Ф43 Слишком большой соблазн / Людмила Феррис. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Журналистское расследование).

ISBN 978-5-699-94848-2

Молодая журналистка Юлия Сорнева должна была взять интервью у генерального директора «Орбитальной группировки» Владимира Яценко, но прямо во время интервью мужчину убили! Теперь написать о нем статью стало для Юли делом принципа. Она обязана разобраться, кто и почему застрелил талантливого ученого и успешного руководителя. Но слишком много было у него недоброжелателей и темных секретов. Может быть, дело в том, что все научные открытия сделал за Яценко другой человек? А его семейная жизнь была вовсе не так благополучна, как казалось? Космос скрывает слишком много тайн, но Юля даже не представляла, что одна из них напрямую связана с ней самой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94848-2

© Феррис Л., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Журналисты были взбудоражены и оживленно переговаривались. Людская толпа, подобно змее, огибавшая подиум стартового комплекса, замерла в ожидании зрелища. Оливия Грин — учитель истории государственной средней школы — почти не волновалась. Хотя она не спала всю ночь в ожидании старта, мысленно перелистывала страницы своей жизни, но к утру взяла себя в руки и была спокойна, как океан в сентябре.

Конкурс «Женщина в космосе» привлек внимание всей Америки. Дамы разных профессий — от парикмахеров до банкиров, утверждали, что полет в космос — главная мечта их жизни. Организаторы этого нереального шоу — корпорация «Ранс» — считали, что каждая молодая девушка, потренировавшись несколько месяцев, сможет лететь в космос. На конкурс поступило восемнадцать тысяч заявок, а во второй тур прошло только сто человек, и Оливия была среди них. Сам президент на торжественной церемонии, транслировавшейся по всем телеканалам страны, объявил имена победительниц национального конкурса. Соединенные Штаты Америки с замиранием

наблюдали, как президенту подали белый длинный конверт. Президент улыбался.

— Женщина-американка покоряет космос, и мы преклоняемся перед ней. Я с глубоким почтением называю имена победительниц, — и вскрыл конверт.

Оливия думала, что ослышалась. Сначала он произнес имя медсестры Барбары Ралинаф, а потом, хитро прищурившись, добавил:

— Дублер Оливия Грин, учитель, штат Джорджия.

Оркестр заглушил ответ-благодарность Барбары Ралинаф, словно случайно оказавшейся позади президента. Оливия, наблюдавшая за происходящим дома по телевизору, расплакалась — и это были слезы счастья. Произошедшее казалось нереальным, невозможным, как, например, выиграть миллион долларов в казино Лас-Вегаса. Но факт остался фактом — она стала дублершей астронавта, и шанс, что Оливия Грин полетит в космос, очень высок, по крайней мере, она это чувствовала.

Оливия никогда не задумывалась над вопросом, что такое абсолютное счастье. Но теперь она ощущала его. Земля будто уходила из-под ног, дыхание перехватывало, сердце выпрыгивало из груди, губы сами по себе расплывались в улыбке, на глазах неожиданно проступали слезы радости.

Телефон звонил не переставая: родители, ученики, друзья, коллеги поздравляли и радовались успеху Оливии, отмеченной самим президентом. Позвонил директор школы, где она работала.

— Мы хотим устроить праздник в вашу честь на площадке перед школой. — Она поняла, что дирек-

тор расплывался в улыбке, как ученик, получивший высший балл по всем предметам одновременно.

— Спасибо. — Оливия склонила кудрявую голову и подмигнула себе в зеркале.

Через полчаса Оливия Грин шла по дороге в школу и вдруг увидела своих учеников. Майкл и Алекс бежали ей навстречу.

— Вы самая крутая учительница в штате! Мы гордимся вами! Когда президент назвал вашу фамилию, мы громко кричали «ура!».

— Спасибо, ребята. — Ей были приятны восторги мальчишек, непосед и хулиганов, которые, впрочем, любили историю, а значит, немножко и ее как преподавателя дисциплины.

Школьный ансамбль настраивал инструменты, множество народу толпилось на школьном дворе, все спешили ее поздравить, пожать руку и получить автограф. Оливия чувствовала себя известной актрисой, к примеру Линдой Картер, или Джейн Фондой, или Шерил Лэдд. Кто-то принес яркие шары, и скромная площадка перед средней школой стала напоминать сказочное представление: играла музыка, поднимались в воздух цветные лепестки, словно смешались радуги, и дети кричали «ура!». Оливии пришлось обратиться к тем, кто пришел ее поддержать:

— Дорогие мои друзья! Когда нужно принимать решение, необходима порция одобрения от коллег и учеников. Вы подарили мне веру в победу, без вас я бы не приняла решения участвовать в конкурсе, без вас у меня не было бы сил дойти до конца. Спасибо,

что вы помогли мне осуществить мечту! Мечту, которая может сбыться только в нашей стране.

Ее последние слова заглушили аплодисменты.

Милая дамочка преклонного возраста пробралась к Оливии сквозь толпу и закричала в ухо:

— Я голосовала за вас при опросе общественного мнения в нашем штате. У вас учится мой внук. Дети считают вас настоящим учителем, вы даете им веру в себя без алкоголя и антидепрессантов.

— Спасибо, спасибо вам, — отвечала Оливия.

Она еще долго общалась с людьми около школы и вернулась домой совершенно вымотанной.

«А ведь работу придется оставить как минимум на год. Да, какой астронавт из меня получится, еще неизвестно», — с этими мыслями Оливия наконец заснула.

Центр подготовки астронавтов корпорации «Ранс» напоминал группу отелей, но в каждом корпусе все было распланировано под космические задачи. Оливию Грин поселили в одноместном номере, напротив номера, на двери которого висела табличка «Барбара Ралинаф».

— Ну и хорошо, что мы рядом. Дублер должен сопровождать основной состав.

Она нашла на тумбочке список всего отряда, отряда профессионалов, в который добавлены две женщины. В полет отправятся только десять человек.

Кто из них? Палец двигался по списку. «Кларк Брен Близс, Мэриленд — 200 часов полета». «Анкид Мэрин Джилл, Техас — 240 часов полета».

— Боже, у меня нет даже минуты полета! Меня обязательно забракуют, не допустят. — Оливия была в отчаянии.

Утром вся группа собралась на занятия и для начала получила форму зеленого цвета, утвержденную корпорацией.

— Мы как лягушата, — пошутил высокий молодой человек, который и оказался Анкидом Джиллом.

— Лягушата-астронавты. — Шутку подхватили и начали было забавляться дальше, но в класс вошел капитан, и наступила тишина.

Несколько месяцев в Центре подготовки пролетели как один день, такими плотными и насыщенными они были. Каждый астронавт работал на свою задачу, Оливия знала, как поддерживать психологический климат, как снимать учебный фильм, как вести дневник полета. В технические детали она глубоко не погружалась, она мало что в этом понимала, но курс по перспективам развития межконтинентальных полетов девушка прослушала, впрочем, как и другие, по проблемам космической биологии и медицины.

Время словно остановилось, оно было заполнено, забито, плотно начинено занятиями, так похожими друг на друга.

Женщины и мужчины тренировались отдельно, но все специальные занятия включали в себя полеты на самолетах, упражнения в условиях кратковременной невесомости, вращение на центрифуге и вестибулярные тренировки. Вся группа испытывала действие гипоксии, повышенного давления и разнонаправленных ускорений. Организм Оливии справлялся со

всем легко, было огромное желание дойти до конца, однако чувство тревоги ее не покидало. Часы, дни, месяцы складывались в отрезки времени и словно застывали. Она уже перестала верить в полет, скучала по школе и противилась тому, что надвигалось на нее внезапно, как ураган.

Но ураган, циклон, торнадо, вихрь показались бы легкими ветерками по сравнению с тем, что пришлось испытать Оливии. Желание стать астронавтом было в ней так велико, так сильно, что она смогла преодолеть все невозможные препятствия. У нее осталась одна конкурентка — Барбара — и целый год ожидания полета. Через двенадцать месяцев руководство доложило, что отряд астронавтов к полету готов.

Оливия нервничала. Она все время наблюдала за приветливой Барбарой и грустно констатировала, что ее надеждам не суждено сбыться: Барбара с блеском справлялась со всеми учебными заданиями. Газеты пестрели ее фотографиями: Барбара на прогулке, Барбара пьет кофе с подругами, Барбара с любимым мопсом.

Но за два дня до окончания подготовки Барбара Ралинаф сломала ногу на парашютной тренировке, и дублер Оливия Грин стала первой.

16 января 1987 года корабль с десятью астронавтами отправлялся в полет. Событие века транслировалось по всем телеканалам США, и, конечно, весь класс Оливии Грин, ее двадцать любимых учеников в сопровождении директора школы, преодолев тысячи миль, приехали на стартовую площадку. Поездку оплатила школа, которая гордилась, что ее

педагог Оливия Грин войдет в историю Америки. Корабль стартовал под громкие и бурные аплодисменты толпы.

Через шестьдесят секунд, то есть ровно через минуту после старта, появилось белое облако, увеличивающееся в размерах, и раздался взрыв. Взрыв был таким сильным, что в стартовом комплексе выбило стекла. На глазах испуганных зрителей как будто рушился небесный купол: куски корабля, обломки аппаратуры и техники падали с неба, рискуя покалечить всех, кто был на космодроме. Миллионы людей замерли у экранов телевизора. Все десять членов экипажа погибли.

Барбара Ралинаф стояла в толпе провожающих, и ее сжатые кулаки побелели, как корпус разбившегося космического шаттла. Не прошло и получаса, как она обнимала Оливию Грин и желала ей удачи.

Спасатели приехали быстро, тушили пожар, разбирали обломки. Через час после катастрофы выступил президент, на его лице не было привычной целлулоидной улыбки, он не скрывал слез.

— Это были герои Америки, мы будем помнить о них. — Каждое слово давалось ему с трудом.

Корпорация «Ранс» начала расследование, была назначена Комиссия парламента для контроля за расследованием. Погибшие астронавты посмертно были награждены медалью почета США, и на гранитной плите братской могилы, их последнего приюта, высекли слова: «Здесь покоится гордость Америки».

Глава 1

Она бежала за поездом, но никак не могла его догнать. Проводница с флажком явно видела Юльку, но демонстративно отвернулась.

— Подождите! Подождите! — Голос срывался.

Поезд набирал ход, и не было никакой возможности его догнать. В купе остались ее чемодан и сумка с документами и деньги. Девушка осталась одна на пустом перроне в чужом городе. Грязная собака подошла к ней и молча наблюдала, как Юля давится слезами.

Она открыла глаза и поняла, что плачет.

— Господи, как хорошо, что это был сон!

Этот дурацкий уходящий поезд стал ей сниться очень часто, обычно Юля догоняла его, вскакивала на подножку, находила свое купе. Но вот так, чтобы остаться одной на перроне, с грязной собакой... Бррррр...

Юлька встала, как была в ночной рубашке, села за компьютер. Нашла в Интернете сонник. В толковании снов на букву «п» ни поезд, ни проводница не значились, а вот информация по собаке различалась. Если собака белая — к благополучию, если рыжая —

к недоброму человеку. Юля попыталась вспомнить, какого цвета была собака, но не смогла. Псина была грязная, и только. Значит, собака к другу, раз других объяснений нет.

«Дался мне этот поезд! Я вообще последний раз лет десять назад на поезде ездила, привязался он ко мне! Рыдала, опять же, безутешно! Как же, чемодан уехал, документы тоже. Бредятина сплошная! А вот слезы снятся к радости и утешению, хоть в чем-то да повезет. Знать бы еще, где радость и в чем утешение?»

Она прошла на кухню и включила кофеварку. До начала рабочего дня — целая вечность, час времени. Этого хватит, чтобы принять душ, сделать макияж и покайфовать с чашечкой «кофея». Главный начнет газетную планерку в десять, а значит, на любимую работу можно пойти пешком.

Юля написала свое первое стихотворение во втором классе, оно так понравилось классной руководительнице Ольге Сергеевне, что его тут же поместили в стенгазету. Посвящалось стихотворение маме и было по-детски наивное и милое. С тех самых пор Юля Сорнева была самым активным участником конкурсов чтецов, а свои стихи записывала в отдельную тетрадку, авось пригодятся. В десятом классе ее сочинения были лучшими в школе, поэтому поступление на факультет журналистики стало логичным продолжением школьных литературных успехов. В городскую газету «Наш город» ее взяли уже на третьем курсе журфака, но сначала только внештатным корреспондентом, и два года она ходила в выходные дни на спортивные мероприятия, а

потом отписывалась колонкой. Спортивная тема ее не вдохновляла, но она знала, как правильно строить тексты, как брать интервью, материалы были неплохие, но обычные, ничем не выделяющиеся и не запоминающиеся. Она честно старалась, читала спортивные подборки в Интернете, заглядывала на страничку «Отечественного спорта» и недоумевала, зачем известный спортивный комментатор в который раз обещает побриться наголо, если сборная России не выйдет в плей-офф. Юлька ни за что бы не рассталась со своими шикарными волосами из-за каких-то неумелых футболистов. Другое дело, военная или гражданская журналистика, где можно проявить себя как личность. Но где взяться такой журналистике в провинциальном городке? Спортивную тему наконец отдали вновь пришедшему в газету журналисту Гоше, а Юля, которая теперь работала в газете на постоянной основе, выполняла задания главреда и писала в основном на социально-политические темы, и ей это нравилось гораздо больше, чем томиться на спортивных площадках.

В редакции было шумно, Юля раздвинула на своем столе бумаги и среди них нашла кружку. Утро в редакции начиналось с чаепития, это было традицией — пить чай и обсуждать городские новости. Они, то есть новости, имели обыкновение скапливаться у ответственного секретаря газеты Милы Сергеевны. Она знала, что происходит в городе, потому что везде у нее были «свои девочки» — секретарши, знакомые, знакомые знакомых, родственники знакомых, одноклассники знакомых и родственников, и

эта цепочка не кончалась. Каждое «звено» информационной цепочки Милы щедро делилось тем, что знало, а если и не знало наверняка, то добавляло что-то от себя.

— У зама мэра по социальным вопросам — сын-наркоман.

— Что вы такое говорите, Мила Сергеевна?! — возмущалась корректор Римма. — Как же его назначили отвечать за социальные вопросы?

Мила держала паузу и помешивала чай красивой ложечкой.

— Девочка моя, я всегда говорю то, что знаю наверняка, только вот источник свой выдать не могу!

— Да какой это источник, сплетни это! А журналист не может сплетнями заниматься.

— Журналист может все! Сплетни, моя дорогая, это неверные сведения, а мы любые сведения проверяем — верные, неверные и выбираем, какие сочтем нужными. Материал можно сделать и на слухах, и на сплетнях, было бы желание.

— А как же достоверность?

— Достоверность, когда ты точно уверена, что в этом слове надо поставить букву «а», а не «о». Остальное называется журналистским мастерством.

— То-то вы недавно с фотографией депутата Семешова лажанулись!

— Так он сам виноват, прислал свое фото в кепке, а оно в кепке никак не ложилось, я и попросила другую фотографию, без кепки. Он, как оказалось, в командировку уехал, газету сдавать надо, вот мы с верстаком небольшую прическу ему приделали. Кто